



**ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОЛОБУЕВ**

1923-1997

### **ИНТЕРВЬЮ С АКАДЕМИКОМ**

*Павел Васильевич, что пробудило у Вас интерес к истории, историческим исследованиям?*

Я принадлежу к послевоенному поколению историков, которые прошли через испытание фронтом, трудными послевоенными годами. У большинства из них была нелегкая творческая и жизненная судьба. Ведь честно заниматься историей в нашей стране всегда было трудно.

Почему я стал историком? Думаю, что этому способствовали два обстоятельства. Я родился в Северном Казахстане, в Кустанайской (тогда Тургайской) области, в крестьянской семье. Как говорил поэт, "отец мой был крестьянин, а я крестьянский сын". С детства запомнились рассказы родственников и соседей о Гражданской войне, которая затронула и нашу деревню. И в райцентре, большом селе Семиозерное, куда отец переехал, бросив крестьянский труд, и где работал в системе потребкооперации, было немало людей, служивших в Красной армии, партизанских отрядах или в армии Колчака. Казахстан, как известно, был местом, где во времена Сталина находилось немало политических ссыльных. Знакомство с некоторыми из них оказалось весьма интересным и поучительным.

Правда, мой отец не очень охотно рассказывал о Гражданской войне. Он был мобилизован сначала в царскую армию, затем демобилизован после Октябрьской революции, потом призван в армию Колчака, затем вместе со своим полком перешел на сторону Советской власти и служил в Красной армии. (Их дивизия, стоявшая под Иркутском, участвовала в погонях за отрядами генерала Унгерна фон Штерберга в 1921 г. ). Последний эпизод - это, пожалуй, единственное, о чем я слышал от самого отца. А вот рассказы других родственников, в первую очередь бабушки (по отцу), были просто захватывающими. Бабушка вспоминала, например, как через дерев-

ню проходили белые, красные и чем это сопровождалось. Когда образовался колхоз, его вначале назвали колхозом имени 19 повешенных, потому что уральские казаки (это были свирепые каратели) повесили у нас 19 красных партизан, пришедших домой, их родственников, родителей тех, кто служил в Красной армии, и просто случайных людей (как я тогда уже понял, большую и подлую роль в развязывании террора сыграли доносы, соседская зависть).

И вот желание понять, что же такое Гражданская война, заставляло меня обращаться к свидетелям событий тех лет, в прошлом крупным военным и политическим работникам, оказавшимся в силу ряда причин в райцентре. Таким образом, толчок и интерес к историческим знаниям, прежде всего, привили рассказы о Гражданской войне.

Вторым побудительным мотивом послужил Лейпцигский процесс 1933 г. над Г. Димитровым и его товарищами. Мой отец, несмотря на трехклассное образование, был книголюб, выписывал газеты, приносил журналы, книги, которые я с удовольствием читал (я научился читать лет в 5-6, хотя никто меня специально не учил). Отец, приходя с работы, сразу брал "Правду" или "Известия" и буквально впивался в сообщения о процессе над Димитровым. Естественно, я тоже самовольно полез в газеты, хотя он мне выписывал уже тогда журнал "Дружные ребята", а потом "Пионерскую правду". В итоге мною были прочитаны все материалы о Лейпцигском процессе, все выступления Димитрова, его товарищей - Танеева и Попова, их обвинителей, в том числе и Геринга. Все это произвело на меня сильное впечатление.

В школе вплоть до 1935 г. с преподаванием истории шла страшная неразбериха. Истории как предмета еще не было, а было обществоведение - неинтересный и малопривлекательный предмет, тем более, что его еще преподавать и не умели. Тем не менее я стал выискивать книги, из которых можно было почерпнуть хоть что-то по истории.

В селе, хотя и большом (более 5 тыс. жителей), с книгами было плоховато. В клубной библиотеке я перечитал почти все. Иногда попадались и исторические книжки, содержание которых я потом пересказывал своим товарищам. Когда с 1935 или 1936 г. в школе ввели историю, появились и учебники. Но того, что было в них, мне уже не хватало, так как я знал (конечно, фрагментарно) гораздо больше. Вот за эту любовь к истории, за неплохое ее знание меня прозвали в классе "историческим логушкой" (логушок - украинское слово, а наш интернациональный класс наполовину состоял из обрусевших украинцев). Надо было оправдывать данное мне прозвище, и я старался выпросить у преподавателей какие-нибудь интересные книги по истории.

После убийства Кирова, в 1935 г. к нам сослали много ленинградской интеллигенции, и хотя эти люди были достаточно осторожны в политическом отношении, но кое-какую историко-художественную литературу они с собой привезли, так что "Трех мушкетеров", например, я прочитал именно у них.

В 1938 г. вышли из печати и появились в библиотеке партийного кабинета 10 томов "Истории 19 века" Лависса и Рамбо. К тому времени я уже был комсомольским активистом и добился в райкоме ВЛКСМ, чтобы меня записали в эту партийную библиотеку. Читал запоем. Помню, когда в библиотеку поступило несколько томов сочинений Гегеля, я взял "Феноменологию духа", но так и не одолел ее, как ни бился. Зато гегелевскую "Историю философии" прочитал с большим интересом.

Вот так пробудился у меня интерес к истории, к познанию исторических фактов и к более широким научным обобщениям.

### ***И интерес этот никогда не пропал ч не "затухал"?***

Нет, я вообще ему не изменял. Хотя, надо признаться, в 9-м классе меня пытались сманить в геологический институт. К нам приехала геологическая экспедиция из Казани. Там были аспиранты и студенты. Я был в то время секретарем комсомольской организации школы, и меня попросили порекомендовать 5-6 ребят, которые могли бы сопровождать геологов в их поездках по нашим степям и помогать им в работе. Конечно, рассчитывали при этом, что у кого-нибудь из нас прорежется интерес к геологии. Вместе с товарищами я тоже два месяца работал с геологами в степи, но тем не менее истории не изменил, хотя начальник экспедиции, уговаривая меня, говорил: "Что такое геология? Это та же история, только земли и природы, а не человечества". Но я отвечал, что история человечества - это все же более живое дело.

### ***Думается, что подобный интерес не мог не стимулировать желания получить специальное историческое образование после окончания школы?***

После школы я без колебаний решил поступать на истфак Московского университета. Отец отнесся к этому намерению с некоторым сомнением, говоря, что, может быть, стоит продолжать учебу где-нибудь поближе, например, в Свердловске. В казахстанские вузы я с самого начала поступать не хотел, считая, что там приоритет отдавался подготовке национальных кад-

ров, да и уровень их был ниже, чем московских. На семейном совете было решено, что если уж поступать, то поступать на исторический факультет Московского университета, т. е. рисковать по высшему разряду. К тому же сельская школа дала мне неплохую подготовку (жена до сих пор шутит, что я был "противным отличником"). Тогда были введены аттестаты зрелости (золотых и серебряных медалей еще не было). Я послал свой аттестат с отличием в Москву и вскоре получил ответ, что зачислен на первый курс исторического факультета МГУ.

***Павел Васильевич, что Вам запомнилось из событий первого Вашего студенческого года? Ведь он пришелся на канун войны?***

Да, проучился я до войны только год. Жил в общежитии, но не на Стромынке, а в Пушкинском студгородке, в районе ВДНХ. В первые же месяцы учебы я почувствовал, что отстаю от своих сокурсников. Группа (12 девушек, в основном, москвичек) была сильной. Я хорошо понимал, что мне предстоит серьезная работа, и жил под девизом (потом друзья меня так и звали): "Ни минуты зря!" Вообще я работал очень много. Ведь нужно было "шагать в ногу" не только по истории, но и по литературе. Так, например, "Войну и мир" Л. Н. Толстого прочитал только в 1940 г. (у нас в селе этой книги не было даже у ссыльных, которые говорили: "Ну, как тащить такую тяжелую книгу"). Вторая трудность была с иностранным языком. В Казахстане немецкий язык преподавался один год. Мне даже в аттестате в соответствующей графе поставили прочерк. На собеседовании в университете представители кафедры иностранных языков с сомнением качали головой: "Ну, как же так, молодой человек. Вам придется всерьез заниматься языком, так как 80% студентов владеют иностранным языком довольно свободно". Поэтому в МГУ немецким языком я занимался особенно упорно, не менее 2-х часов в день. А ведь, кроме этого, надо было обежать московские музеи, хотя бы основные, побывать в театрах. Все это требовало времени. И мне приходилось работать в день часов по 14-16.

От первого курса остались воспоминания о блестящих лекциях, прочитанных по истории Киевской Руси академиком Б. Д. Грековым (читал он негромким, даже тихим голосом, часто прибегая к цитированию источников, как бы приглашая слушателей вникнуть в логику его концепции). Запомнились и яркие лекции по литературе античности профессора филологического факультета С. И. Радцига.

***Павел Васильевич, жизнь людей Вашего поколения круто изменила Великая Отечественная война. Понимаю, что вспоминать о ней крайне тяжело. И все же, что запомнилось?***

Отечественная война... Было воскресенье, мы с другом-сокурсником Николаем Чумкиным, погибшим в 1942 г., на фронте, решили поехать в центр: собирались погулять там в Александровском саду, потом пообедать и идти в библиотеку. Выходим из столовой, остановились во дворе здания МГУ на Моховой, смотрим, народ начинает собираться возле репродукторов, слышим, что сейчас будет выступать В. М. Молотов. Вот так мы и узнали о войне. Реакция студенчества была такая, что мы готовы были в тот же день записаться добровольцами. Но из военкомата нас попросту прогнали, сказав, что дойдет очередь и до нас. Когда же один из работников военкомата сказал, что мы и винтовку в руках держать не умеем, я даже обиделся, заметив, что занимался в ОСОАВИАХИМе и только из-за плохого зрения не получил значок "Ворошиловский стрелок".

Сразу после начала войны нас отправили под Смоленск строить укрепления, и командиром нашего студенческого батальона был Михаил Яковлевич Гефтер. Мы рыли противотанковые рвы. Среди своих сокурсников я прослыл лопатных дел мастером, о чем мне напомнили уцелевшие товарищи после войны. В отличие от горожан, я, деревенский парень, умел обращаться с лопатой, выбрасывать землю наверх сразу с глубины трех метров и старался еще помочь другим.

Призвали меня в армию в январе 1942 г. Я попал на Волховский фронт. Всякий фронт не из легких, как я понял, послушав рассказы раненых в четырех или пяти госпиталях, а после войны - рассказы студентов-фронтовиков. Но Волховский фронт с его болотами - дело особое. К тому же наша часть (служил я в истребительно-противотанковой батарее) вела боевые действия в знаменитом Мясном бору, самом гиблом месте, где до сих пор находят останки наших солдат. Я был рядовым, но когда погиб заместитель политрука, временно его заменил. Во время наступления мы находились в боевых порядках пехоты и своими "сорокапятками" разрушали дзоты противника.

На фронте я понял, почему отец не любил рассказывать о войне. Ведь война - это, конечно, кровь, грязь, смерть... Помню, что к концу первого дня наступления мы с моим другом пришли к выводу, что это не война, а смертоубийство. Я был комсоргом батареи и заместителем секре-

таря комсомольской организации стрелкового полка и потому был связан со всеми ребятами Батарея наша на 80% была молодежной и интернациональной. В ней служили украинцы из Северного Казахстана, русские, удмурты, чуваша, мордва. Интернациональное братство и фронтовая дружба, невзирая на национальные различия, были очень крепкими. Да и вообще никому не приходило в голову интересоваться национальностью соседа.

Фронт укрепил не только мой интернационализм, но и тягу к самостоятельности. Она была у меня и раньше, на комсомольской работе, а на фронте еще более окрепла. Существовал, конечно, приказ, но тебе была предоставлена возможность выполнять его творчески, "пораскинув головой". Это тоже имело положительное значение.

В нашей батарее не было случаев предательства. Бывая в штабе полка, я слышал, что в пехотных батальонах бывали переходы на сторону противника. Чувство верности Родине и убежденность в нашей конечной победе жили в каждом из нас, хотя мы знали и о неудачном начале войны, больших потерях, понесенных нашей дивизией при попытке деблокировать 2-ю ударную армию (людей погибло больше, чем вызволили из окружения) в районе Любани.

У нас в батарее было 5 так называемых политбойцов-коммунистов, людей 35-45 лет. Отмечу, что термин "политбойцы" не был просто фразой. Они нам сильно помогали, потому что мальчишеская удалость и бахвальство зачастую к добру не приводили. Политбойцы не только подбадривали нас, когда шло наступление и надо было тащить на себе через болото пушку, но и учили воевать по-умному. "Ребята, учитесь воевать, будьте осторожны, надо хитростью брать, умением, а не подставлять свою голову, - говорили они. — Что вы высовываетесь из-под орудийного щитка. Волобуев, убери свою голову, а то тебе ее оторвут".

При этом, если нашего брата, молодых солдат, выбивали за время наступления очень основательно, то из политбойцов, например, за 7 дней наступления ранен был только один, хотя они всегда были впереди.

Правды ради скажу, что в нашу дивизию влили несколько человек, освобожденных из лагерей, из них человек пять или семь - бывшие директора МТС, предприятий, промышленных и сельскохозяйственных баз. Перед войной принималось немало постановлений об укреплении производственной дисциплины и экономном расходовании материальных средств. В то же время ресурсов не хватало, а планы были завышены. В результате директор совхоза, завода или базы не мог выполнить задание, не перейдя на "бартер". А если при этом попался, то получай три, четыре или пять лет заключения. После начала войны большинство из них отправили воевать. Попали они и в нашу дивизию. Это - бывшие коммунисты, опытные люди, прошедшие сталинские лагеря. Комиссар батареи говорил им: "Мужики, останетесь живы, поставлю вопрос о восстановлении вас в партии".

Мы часто беседовали с ними, спорили о прошлом и военном лихолетье. Например, о мировой революции. Я им рассказывал: "А вы знаете, что еще на первом курсе университета мы, студенты, рассуждали, повернут ли немецкие солдаты - рабочие и крестьяне - оружие против Гитлера?" Надо мной, естественно, посмеивались, особенно те, кто успел пройти в свое время Гражданскую войну, и отвечали: "Пока по башке не вдаришь, оружие не повернут".

***То есть беседы велись не только на военные темы, но и о сюжетах, которые Вас интересовали как историка?***

Да, конечно. И благодаря этим беседам я укрепился в убеждении, что если останусь жив, то менять профессию не буду. Я считал, что история поможет мне понять, почему человечество, особенно наша страна, периодически переносит такие кровавые и тяжелые испытания

***Во время войны Вам пришлось ведь не только воевать, но еще и много сил отдать хозяйственной работе в тылу, которая тогда мало чем уступала фронтовым невзгодам?***

Да, я сравнительно быстро отвоевался, был ранен, прошел через госпитали в Боровичах, Рыбинске, Кисловодске, Агдаме (Азербайджан), перенес две операции правой ноги.

Медкомиссия признала меня негодным к строевой службе и отпустила на долечивание в родные края. В конце 1942 г. я возвратился домой в Семиозерное. Пройдя медицинскую комиссию при местном райвоенкомате, получил инвалидность третьей группы и право на небольшую пенсию. В тылу работников не хватало, и поскольку я был из местных и в недавнем прошлом известным комсомольским активистом, то мне отдыхать и спокойно долечиваться не дали. Я был назначен заместителем районного уполномоченного Наркомата по заготовкам. Через год (1944 г.) стал районным уполномоченным Наркомзага. Работал на этих ответственных по тому времени постах, не жалея ни времени, ни сил. Потом был переведен "в порядке укрепления" на

стов академиком С.Д. Сказкина и Е.А. Косминского, крупных специалистов по истории дореволюционной России профессоров К.В. Базилевича и С.С. Дмитриева, историка античности А.Г. Бокшанина, востоковеда И.М. Рейснера, историографа Н.Л. Рубинштейна, историка СССР Э.Б. Генкину. С.Д. Сказкин, помню, был блестящим лектором, так что слушать его было одно удовольствие. Рассказывая, например, о предпосылках и ходе Французской революции или о Фронде, он "дополнял" свою лекцию и выразительной жестикуляцией. Блестящим лектором был и С.С. Дмитриев.

А.Л. Сидоров, будучи проректором МГУ, как-то решил, что студенты обязательно должны послушать здравствующих академиком. Необходимо, говорил он, чтобы последние прочитали на истфаке хотя бы по несколько лекций. Поэтому перед нами выступали Б.Д. Греков, специально приехавший для этого из Ленинграда, Е.В. Тарле, Е.М. Жуков, И.И. Минц (он хотя и заведовал кафедрой, но лекций не читал, уступив лишь настоятельным просьбам Сидорова) и, кажется, Р.Ю. Виппер. Это, действительно, запомнилось на всю жизнь.

Наконец, нельзя не сказать и о четкой организации учебной работы на истфаке. При этом административный аппарат деканата был сведен к минимуму: достаточно сказать, что одна Н.М. Мыркова составляла все расписания и следила за их исполнением. Теснота на факультете была страшная. Но учили нас основательно. На каждом курсе было два семинара: по отечественной и всеобщей истории. И соответственно две курсовые работы, так что заниматься приходилось очень много. Вместе с тем, профессора особенно внимательно относились к бывшим фронтовикам, рекомендовали нам литературу (особенно отличался этим профессор Петр Андреевич Зайончковский, с которым мы потом сошлись более близко), источники. Тот же Зайончковский водил свои группы в Научную библиотеку МГУ им. А.М. Горького, где заранее подбирали литературу по теме его семинара. Те, кто у него не учился, тоже просили взять их на такие занятия, и он всегда шел нам навстречу.

Занимаясь в семинаре у Г.Н. Толмачева, я с интересом прочитал почти все изданные на русском языке произведения "пионера" ревизионизма Э. Бернштейна, а также К. Каутского. Кажется, в спецсеминаре на четвертом курсе написал курсовую о Розе Люксембург, прочитав несколько ее сочинений на немецком языке (я его неплохо изучил и довольно свободно мог читать немецкую научную литературу и исторические источники, вплоть до стенограмм съездов Германской социал-демократической партии, напечатанных к тому же готическим шрифтом). Тогда же я впервые прочитал знаменитые "Записки о русской революции" Р. Люксембург. Они произвели на меня большое впечатление своей объективностью и критическим духом. Сделанные из них выписки я смог использовать в своих выступлениях только с началом перестройки.

Со второго по четвертый курс я прослушал ряд спецкурсов наших выдающихся ученых. Например, от А.С. Ерусалимского я впервые услышал знаменитое высказывание Пальмерстона (его сейчас часто цитируют, приписывая авторство разным людям): "У Англии нет вечных врагов и вечных друзей, у нее есть только вечные интересы". Во время своих лекций Ерусалимский рассказывал о Бисмарке и о том, как был у Сталина, который проявил интерес к его книге об этом выдающемся государственном деятеле и беседовал с ним часа два или три, высказав ряд замечаний и пожеланий в связи с предстоящей работой над второй частью этой монографии.

***Павел Васильевич, насколько понятна была для Вас тогда вся сложность соотношения между партийностью и научностью?***

Нам повезло с преподавателями истории партии. Это были серьезные профессора: старый большевик В.Г. Юдовский и автор диссертации о деятельности Сталина в Баку М.А. Москалев - человек "новой генерации", но знающий и хороший лектор. Юдовский, рассказывая, например, о внутрипартийной борьбе, завуалированно намекал, что у тех же "правых" (имя Троцкого он все же боялся произносить) не все было неверно. Из его лекций я запомнил ленинскую мысль о том, что в период революции делается больше ошибок, чем во всякое другое время.

Из тех, кто преподавал философию, я не помню лекторов, но семинары вели молодые аспиранты, в частности, Владислав Жанович Келле. (Он стал потом крупным философом, и жаль, что его не избрали ни в академики, ни в члены-корреспонденты Академии наук). Мы с ним встретились в 70-е гг., будучи "сосланными" - он из Института философии, а я из Института истории СССР - в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Хочу заметить, что, несмотря на засилье догматизма, многие преподаватели все-таки старались приобщить нас к творческому пониманию своих предметов.

Люди старшего поколения помнят о печально знаменитых постановлениях ЦК ВКП(б) 1946-1948 гг. по идеологическим вопросам (о журналах "Звезда" и "Ленинград", о кинофильме "Большая жизнь" и др.), которые были нацелены на то, чтобы покончить с "вольнодумством"

творческой и научной интеллигенции и под предлогом повышения идейности литературы и искусства подчинить их жесткому контролю со стороны партийных органов. Восстановившись для продолжения учебы в МГУ, я как член партии стал свидетелем тогдашних дискуссий, а точнее "проработок" с навешиванием ярлыков, в литературной и научной среде. Не скрою, что постановления ЦК я воспринял тогда как необходимую меру, хотя в узком кругу друзей мы позволяли себе говорить и об их подлинном предназначении. Руководство ВКП(б) явно стремилось ликвидировать идеологические последствия недавно закончившейся войны, во многом связанные с пребыванием миллионов солдат и офицеров за рубежом. Ученым был преподан урок сталинского понимания связи научности с партийностью.

Вероятно, уместно здесь же, хотя бы коротко, сказать и о моем отношении к развернувшейся в 1949-1950 гг. кампании по борьбе с космополитизмом. Мне довольно скоро стала ясна ее антиеврейская направленность, а сама ее атмосфера целиком и полностью противоречила моим интернационалистским убеждениям. Став в феврале 1950 г. секретарем партбюро истфака, я с согласия А. Л. Сидорова прекратил практику увольнения преподавателей-евреев, получившую в МГУ широкий размах, особенно на гуманитарных факультетах. (Подробнее об этом см. мою статью в журнале "Отечественная история". 1993. № 2 и мемуары истфаковца А. С. Чернышева "Моя жизнь и мое время". М., 1995).

Именно в то время был дан толчок моим размышлениям о соотношении науки и партийности. Я пришел к выводу, что связь между политикой и исторической наукой диалектична и противоречива. Считаю и считаю, что история не может стоять вне политики, но ее подчинение политике губительно для истории как науки. К такому выводу я пришел самостоятельно, еще, наверное, на третьем или четвертом курсе. И помогла мне в этом преподаватель истории партии Полина Герасимовна Борисова. Именно на ее семинарских занятиях мною были сделаны первые, весьма скромные попытки отойти от догматических и антинаучных постулатов.

### ***Павел Васильевич, а каковы Ваши оценки Сталина и сталинизма?***

О Сталине и сталинизме нельзя рассуждать однозначно. С одной стороны, мое поколение — это поколение, давшее "шестидесятников", каковыми мы стали после XX съезда КПСС, а с другой — большинство людей моего поколения, в особенности фронтовики, в т. ч. и я, были сталинистами. Сталинистами в том смысле, что безоговорочно верили нашему вождю. Я тем не менее никогда не был фанатом сталинизма. На то была своя причина, а именно расхождение со Сталиным в аграрно-крестьянском вопросе. Я помню коллективизацию. Помню, как плакала мать, когда отводили корову в колхоз. Помню годы войны, когда приходилось отбиваться от вышестоящих организаций, требовавших сдачи государству всего хлеба, в том числе и семенного зерна. Помню голодные 30-е и первые послевоенные годы. Сталин несет за все это личную ответственность.

Не знаю, как кому, но преодоление сталинизма мне далось нелегко и потребовало немалых интеллектуальных усилий (с нравственной стороной этой задачи дело обстояло намного легче). До сих пор поражаюсь, как многие ученые, не говоря уже о политических деятелях, легко меняют свои убеждения. Невольно задумываешься: а были ли они у них вообще?

### ***Павел Васильевич, мы несколько упустили вопрос о том, когда у Вас зародилась мысль стать не просто историком, а заняться именно научными исследованиями?***

В моей биографии много сходного с биографиями других ученых — людей моего поколения, ставших историками, философами, филологами, математиками и т. д. В большинстве своем это выходцы из рабочей и крестьянской среды, хотя в МГУ, конечно, мощно были представлены дети интеллигенции. До конца второго курса у меня не было намерения остаться в Москве и тем более посвятить свою жизнь научной деятельности. Я собирался вернуться в Казахстан и либо продолжить там организационно-партийную работу, либо стать преподавателем (к тому времени в Кустанае открылся областной педагогический институт, и найти работу, особенно имея университетский диплом, было бы нетрудно). Но случилось по-другому.

На втором курсе, как это было принято на историческом факультете, я занимался в семинарах у К. В. Базилевича (по истории СССР) и у доцента Н. А. Сидоровой (по истории средних веков). Сначала написал курсовую работу по истории третьего Крестового похода. В семинаре же К. В. Базилевича я работал над темой "Внешняя политика Петра I до Полтавской победы", но вышел за хронологические рамки и дошел до Ништадтского мира 1721 г. Доклад, получился огромным по объему, причем три главы я посвятил событиям до Полтавской битвы, а потом в одной главе "пробежал" по оставшимся 12 годам.